

УДК 340.1
ББК 67.0

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ТОЛКОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Д.А. Гаврилов

Статья посвящена отдельным дискуссионным вопросам теории конституционно-правового толкования семейного законодательства на примере алиментных обязательств, затронутых в ряде определений Конституционного Суда Российской Федерации. Анализируется соотношение частно-правовых и публично-правовых начал в толковании права.

Ключевые слова: конституционный уровень толкования, текущий (отраслевой) уровень толкования, правовой интерес, публичное право, частное право, правоприменительный акт.

17 января 2012 г. опубликованы два Определения Конституционного Суда Российской Федерации, посвященные вопросам толкования и применения института алиментных обязательств. Данные акты конституционного правосудия не просто изданы в режиме «выходной продукции» Высочайшего Суда, а заставляют задуматься над новыми гранями соотношения публично-правового и частноправового интересов и особенностями нормативно-оценочной деятельности судов по обеспечению и защите этих различных, но не противопоставленных друг другу юридических интересов. В силу требований ст. 71 Федерального Конституционного Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» № 1-ФКЗ от 21 июля 1994 г. (далее – ФКЗ о Конституционном Суде) [7], если в ходе осуществления конституционного судопроизводства не требуется вынесения итогового решения по существу конституционно-правового спора или запроса о процедуре выдвижения обвинения против главы государства, выносится определение. В связи с тем, что определением рассмотрение дела по существу не начинается и не завершается, формулируется отказ от при-

нятия обращения к рассмотрению. Известно также, что, несмотря на «негативно отказные» определения, встречаются и развернутые определения с «позитивным содержанием». Отказывая в возбуждении конституционного судопроизводства, судьи Конституционного Суда Российской Федерации высказывают в них позицию, отличающуюся существенной новизной в понимании и объяснении смысла источника права, зачастую правотворческого содержания, но не присутствующую как в самом источнике права, так и в ранее вынесенных его Постановлениях. Одновременно можно констатировать, что практически всегда решения Конституционного Суда Российской Федерации основаны на конституционно-правовом истолковании норм в системе действующего правового регулирования, выражая тенденцию к усилению или ослаблению защиты публично-правового и частноправового интересов. Какими же конкретными критериями руководствуется (может, должен руководствоваться) высший орган конституционного контроля при вынесении таких определений?

В практике судов общей юрисдикции возникли спорные вопросы, связанные с удержанием алиментов на содержание несовершеннолетних детей с доходов по договорам, заключенным в соответствии с гражданским законодательством.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 1996 г. № 841 (в редакции от 15 августа 2008 г. № 613) утвержден Перечень видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей (далее – Перечень) [10].

Согласно подпункту «о» пункта 2 Перечня удержание алиментов на содержание несовершеннолетних детей производится с сумм доходов, полученных по договорам, заключенным в соответствии с гражданским законодательством, а также от реализации авторских и смежных прав, доходов, полученных за выполнение работ и оказание услуг, предусмотренных законодательством Российской Федерации (нотариальная, адвокатская деятельность и т. д.).

Дело № 1. Н.В. Австрийскова обратилась в суд с заявлением об оспаривании действий начальника отдела старшего судебного пристава Волжского городского отдела судебных приставов Управления Федеральной службы судебных приставов по Волгоградской области. Должностное лицо отказалось взыскивать алименты с доходов, полученных бывшим мужем заявительницы В.Н. Гниломедовым от продажи 1/2 доли земельного участка и садового дома. Мотивацией послужило то, что денежные средства, полученные от продажи 1/2 доли земельного участка и садового дома, не относятся к видам дохода, с которых следует производить удержание алиментов. На средства, полученные В.Н. Гниломедовым от продажи доли земельного участка и дома, им была приобретена в собственность квартира, а значит, он приобрел иное имущество, использовав данные денежные средства и дополнительные привлеченные средства для приобретения недвижимости.

Решение Волжского городского суда Волгоградской области от 20 января 2011 г. по делу № 2-848/2011 требования Н.В. Австрийской были удовлетворены. Судом указано, что по правовому смыслу действующего законодательства договор купли-продажи является гражданско-правовым, а денежные средства, получаемые как доход по данной сделке, являются доходом, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей. В данном случае может быть

произведено удержание алиментов, в связи с чем оснований для отказа заявителю в производстве указанных исполнительных действий не имелось [4].

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 11 марта 2011 г. по делу № 33- 3248/2011 решение суда первой инстанции оставлено без изменения, кассационные жалобы Волжского городского отдела судебных приставов УФССП по Волгоградской области, В.Н. Гниломедова – без удовлетворения по тем же доводам [3].

Дело № 2. В.Г. Шумеев обратился в суд с жалобой на постановление заместителя начальника отдела – старшего судебного пристава-исполнителя Армавирского городского отдела судебных приставов Управления Федеральной службы судебных приставов по Краснодарскому краю, которым ему отказано в удовлетворении жалобы на постановление судебного пристава, – исполнителя Армавирского городского отдела судебных приставов М. о начислении ему задолженности по алиментам. Обжалуемое постановление просил отменить, мотивируя, что в результате продажи своего имущества никакого дохода (в смысле увеличения размера своих активов) не получил, так как преобразовалась лишь форма активов его имущества из натуральной (доля квартиры и машина) в универсальную денежную. Полученные при указанных обстоятельствах денежные средства не являются доходом, с которого подлежат взысканию алименты. Напротив, должностное лицо настаивало на том, что алименты из сумм, полученных от реализации части дома и машины, начислены правомерно.

Решением Армавирского городского суда Краснодарского края от 20 января 2011 г. по делу № 2-239/2011 жалоба В.Г. Шумеева удовлетворена. Суд посчитал доказанным, что продав личное имущество, он получил взамен денежные средства, являющиеся денежным эквивалентом имущества, которое у него было. Действующее законодательство не содержит правовой нормы, предусматривающей начисление алиментов на имущество (в чем бы оно ни выразалось) и отнесение этого имущества к «доходам» [1].

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 17 марта 2011 г. решение суда первой

инстанции оставлено без изменения, кассационная жалоба К.В. Хазарджян – без удовлетворения по тем же доводам [6].

После вступления в законную силу судебных актов по этим делам граждане В.Н. Гниломедов и К.В. Хазарджян обратились в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобами на несоответствие Конституции Российской Федерации подпункта «о» пункта 2 Перечня, утвержденного Правительством Российской Федерации, в части, допускающей (В.Н. Гниломедов) и не допускающей (К.В. Хазарджян) удержание алиментов на содержание несовершеннолетних детей с сумм доходов, полученных по договорам, заключенным в соответствии с гражданским законодательством, в том числе по договорам купли-продажи.

Однако Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению обращений как гражданина В.Н. Гниломедова, так и гражданки К.В. Хазарджян, указав, что оспариваемые ими положения Перечня не содержат неопределенности в толковании понятия «доход», конституционных прав заявителей не нарушают. Проверка же законности и обоснованности вынесенных по данным делам судебных решений, в том числе подробное исследование фактических обстоятельств получения денежных сумм алиментоплательщиком, входит в компетенцию вышестоящих судов общей юрисдикции и не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации. Следует отметить, что в отношении дела В.Н. Гниломедова Высший Суд, что называется, основательно прошелся по многим принципиальным вопросам конституционных основ брачно-семейного законодательства, словно проводя воспитательную беседу с лицом мужского пола о необходимости содержания несовершеннолетних детей, законный интерес которых выступает в этом случае как доминантный интерес. Что же касается дела К.В. Хазарджян, то здесь высший орган конституционного правосудия ограничился формальными доводами и воспроизведением в кратком, сжатом виде аргументов дела В.Н. Гниломедова. Обратим внимание, что оба Определения вынесены в один день, 17 января 2012 г., и имеют даже близкие порядковые номера: № 122-О-О и 123-О-О [9].

Обозначив свою правовую позицию по указанным делам, Конституционный Суд Российской Федерации, как представляется, внес больше принципиальных вопросов, чем ясности в их решении.

Первая проблема теории, которая порождается соответствующими выводами, заключается в следующем. Что такое конституционный уровень рассмотрения правового вопроса и конституционный уровень толкования? Какие тогда вопросы могут считаться принадлежащими текущему (отраслевому) уровню практики и толкования, не требующему, как известно, возбуждения конституционного судопроизводства?

В Определении от 06 марта 2001 г. № 59-О по делу Р.В. Кузавкова Конституционный Суд Российской Федерации высказал мнение о механизме такой оценки. Цитируем: «Согласно статьям 96 и 97 ФКЗ о Конституционном Суде гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение своих конституционных прав и свобод законом, и такая жалоба признается допустимой, если оспариваемым законом, примененным или подлежащим применению в деле заявителя, затрагиваются его конституционные права, а восстановление нарушенных прав осуществимо лишь посредством конституционного судопроизводства. Из этого следует, что возбуждение в Конституционном Суде Российской Федерации производства о проверке конституционности закона возможно тогда, когда права заявителя нарушаются *самой нормой закона и заложенный в ней смысл не допускает такого ее истолкования и применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами*, при котором права и законные интересы гражданина могут быть защищены и восстановлены в обычном порядке. ...Это означает, что ущемление прав заявителя должно быть следствием именно конституционной дефектности оспариваемой им нормы, а не применения ее ненадлежащим образом органами публичной власти» [2].

Следовательно, с позиции не только буквы Закона (статьи 96 и 97), но и принципов права и тенденций интерпретации обращение в Конституционный Суд Российской Федерации является допустимым, когда общий,

нормативный смысл юридической нормы жестко и однозначно определяет правовые последствия, не оставляя субъектам правопритязаний *других* возможностей толкования и применения этой нормы. Однако является ли указанная возможность объективной или субъективной? Как правило, для признания объективной невозможности иного понимания нормы права, чем предложено в законе, должно пройти достаточное время, пока не сформируются условия, при которых эта объективная невозможность может быть сама юристами осознана. Можно считать, что буквальный смысл правовой нормы и смысл, придаваемый ей официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой (ст. 74 ФКЗ О Конституционном Суде Российской Федерации), совпадают настолько, что с учетом места нормы права в системе права при нарушении ею конституционных прав и свобод гражданина позволяют создать «презумпцию конституционности» уровня толкования. Соответственно, субъективная возможность конкретного толкования и применения нормы самим правоприменителем является предпосылкой для текущего, на отраслевом уровне, толкования, рассмотрения и разрешения юридического дела.

В «алиментных» делах названная грань весьма подвижна и оценочна, что объясняется доведенным до автоматизма за два десятилетия стремлением Высочайшего Суда обязательно отыскать какую-нибудь правовую позицию, желательную выраженную в ранее вынесенном Постановлении, что отражает две тенденции: оптимизации, обеспечения единообразия правовой политики в издаваемых решениях, но также и стремления юридически формализовать схему отказа (а может, нежелание?) рассматривать на конституционном уровне споры «частноправового характера» (алименты). Вопрос на самом деле дискуссионный. Институт алиментных обязательств возникает в отношениях между членами семьи, которые на презюмируемой основе имеют лично-доверительный характер, однако, поскольку касаются обеспечения нравственного, физического и психического развития ребенка, государственной семейной политики, основ формирования социально-правовой активности личности (о какой активности может

идти речь у голодного и юридически незащищенного ребенка?), то имеют «выход» и конституционную обязанность родителей содержать, осуществлять заботу о своих несовершеннолетних детях (ст. 38 Конституции Российской Федерации). А эти обстоятельства как раз уже поднимают перед нами вопрос публично-правового характера и содержания. Действительно, почему на конституционном уровне должен находиться вопрос о налогообложении индивидуального предпринимателя, находящегося в связи с алиментными обязательствами на упрощенной системе налогообложения и выбравшего систему исчисления дохода, уменьшенного на сумму расходов, непосредственно связанных с его получением и документально подтвержденных? Этому обстоятельству было посвящено Постановление № 17-П от 20 июля 2010 г., на которое ссылается Высочайший Суд в своих «отказных» алиментных определениях [9]. Однако в этом Постановлении, несмотря на очевидную связь с институтом алиментов (нужно ли удерживать алименты со всей суммы дохода индивидуального предпринимателя или с дохода за вычетом соответствующих расходов), речь шла о другом (!) предмете обращения, связанном с толкованием и применением налогового законодательства, но никак не брачно-семейного и алиментного. А именно понятие дохода, точнее, разный смысл, придаваемый ему в налоговом, гражданском и семейном законодательстве, стал «камнем преткновения» в юридических дискуссиях. Тогда напрашивается вывод, не является ли отказное определение по алиментным обязательствам свидетельством того, что конституционный уровень толкования и доктринального анализа имеют в основном вопросы публично-правовые? По-видимому, какая-то доля истины в таком рассуждении имеется. Ведь как только речь зашла о частноправовых сделках купли-продажи имущества алиментоплательщика, то сразу вопрос перестает быть конституционно-правовым.

В связи с проблемой уровней толкования возникает вопрос о допустимости использования определенных правовых позиций в порядке квазианалогии, квазисубсидиарного применения. Может ли должна ли правовая позиция распространяться на всю совокупность

сходных фактических обстоятельств по разным делам, или только в рамках однородного правового института, или только в отношении одного понятия (например, «доход»), несмотря на разные сферы его приложения (публичное и частное право)? Если да, то это своеобразный прецедент толкования [5, с. 116]. Если нет, то правовая природа «правовых позиций» еще долгое время будет находиться в центре юридической полемики. Отсутствие четких и понятных критериев по данным теоретико-правовым вопросам усложняет поиск разумной основы в решениях по вопросам конституционного правосудия. Складывается впечатление, что «критериальная» недостаточность не раз заменялась вполне очевидным высококвалифицированным правовым усмотрением, не ограниченным в объемах и сферах действия. Ведь решение по делу является окончательным и обжалованию не подлежит. Пересмотр ранее сформулированных правовых позиций допустим лишь по инициативе Суда, если он придет к выводу, что назрела объективная необходимость для подобного пересмотра (ст. 79 ФКЗ о Конституционном Суде). А если нет?

Что же мы видим в итоге рассуждений Высочайшего Суда по алиментным делам? – Вывод. С учетом необходимости обеспечения баланса интересов обеих сторон алиментных отношений алименты подлежат удержанию из доходов, полученных их плательщиком только по тем заключенным в соответствии с гражданским законодательством договорам, заключая которые лицо реализует принадлежащие каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для занятия не запрещенной законом экономической деятельности, а также право на труд (ч. 1 ст. 34; ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации). При этом Суд традиционно осуществил поиск максимально корреспондирующих с конституционной обязанностью заботы о детях, максимально близких по содержанию конституционных прав, давая по сути обоснование с точки зрения теории интересов, утверждая, что с конституционной обязанностью заботы о детях неразрывно связаны прежде всего право на труд, право на занятие предпринимательской деятельностью, право собственности (ст. 34, 35 и 37 Конституции Российской Федерации).

Возможно, по этой причине продажа личного имущества граждан – плательщиков алиментов, при отсутствии иных формальных доказательств его реинвестирования и получения с его использованием трудового или предпринимательского дохода, действительно считается превращением форм стоимости и не рассматривается в одном из алиментных дел как «доход». Иное можно наблюдать в налоговом законодательстве, где доход – любое поступление денежных средств в пользу налогоплательщика или налогового агента (ст. 249 Налогового кодекса Российской Федерации).

Поэтому мы усматриваем в отказе принимать к рассмотрению обращения такого вида и характера, как правомерность удержания алиментов с дохода, полученного от заключения гражданско-правовых договоров, под предлогом их частноправовой природы, элементы «возведенного в закон» правового волюнтаризма, усмотрения, которое с большим количеством аналогичных обращений все больше приобретает черты формальной легализации (не всегда легитимации) в общественно-правовом сознании. По нашему мнению, это не проблема прецедента, правовой аналогии и субсидиарного правоприменения. Это, если так можно сравнить, осознанное, в особых процессуальных формах выраженное направление правовой политики по ограничению волюнтаризма заявителей, оптимизации практической деятельности и организации единого правового поля России. Можно обсуждать обоснованность используемых в разных государствах моделей конституционного правосудия, но надо признать, что в России она именно такая, порождающая порой значительные сомнения в технико-юридическом качестве решений.

Вывод из поставленных вопросов видится следующий. В процессе обеспечения единообразного конституционно-правового толкования и применения норм в системе действующего правового регулирования допустимо при наличии основной (доминантной, принципиальной) правовой позиции определенное разнообразие обоснований решения, отличающееся видовой спецификой по смысловой направленности категорий дел. Например, сходство правовых позиций может иметь место в

пенсионном обеспечении военнослужащих, а затем и сотрудников органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, таможенных органов, органов МЧС России (социальный критерий однородности предмета обращения и толкования). В то же время правовая позиция, высказанная ранее по вопросу правового статуса какого-либо одного субъекта в частноправовой сфере, вполне может оказаться при таком методологическом подходе пригодной и для конституционно-правового анализа места этого субъекта в системе публично-правовых отношений (формально-юридический критерий обращения и толкования). При неодинаковых методах правового регулирования в публичном и частном праве позиции Высокого Суда связаны с гарантированием единства отечественной правовой системы.

Поставленные в данной статье проблемы уровней толкования, соотношения публично-правовых и частноправовых начал и их учета в толковании права, критериев оценки содержания и пределов действия правовых позиций, пронизывающих всю правовую материю от «фундамента» до «основных конструкций», требуют основательной разработки и исследования хотя бы потому, что, выявленные в аспекте деятельности современного Конституционного Суда Российской Федерации, они не только не имеют ясных и конкретных решений, но и инициируют серьезную мировоззренческую полемику о роли правовых средств в достижении общественного прогресса, в том числе об особых функциях и ценности конституционно-правового толкования юридических норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армавирский городской суд Краснодарского края. Судебные акты. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://armavir.krd.sudrf.ru/modules.php?name=bsr>. – Дата обращения: 28.02.2012. – Загл. с экрана.
2. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 4.
3. Волгоградский областной суд. Судебные акты. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=bsr>. – Дата обращения: 28.02.2012. – Загл. с экрана.
4. Волжский городской суд Волгоградской области. Судебные акты. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://vol.vol.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&srv_num=1&vidpr=02_. – Дата обращения: 28.02.2012. – Загл. с экрана.
5. Вопленко, Н. Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие, признаки и функции / Н. Н. Вопленко, А. П. Рожнов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004.
6. Краснодарский краевой суд. Судебные акты. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kraevoi.krd.sudrf.ru/modules.php?name=bsr>. – Дата обращения: 28.02.2012. – Загл. с экрана.
7. Российская газета. – 1994. – 23 июля.
8. Российская газета. – 2010. – 28 июля (№ 165).
9. Справочная правовая система «Консультант-Плюс». Судебная практика. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=126129;dst=0;ts=5490D5D02A0FB9A7CB9EA04A508FF0A2;http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=252077;dst=0;ts=5490D5D02A0FB9A7CB9EA04A508FF0A2>. – Дата обращения: 28.02.2012. – Загл. с экрана.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 31. – Ст. 3743.

SOME OF THE THEORETICAL PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL-LEGAL INTERPRETATION OF FAMILY LEGISLATION

D.A. Gavrilov

This article is devoted to the problem of the theory of constitutional-legal interpretation of family legislation on the basis of alimentary obligations in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The correlation between private juridical principles and public juridical ones are analyzed as viewed in the law doctrine.

Key words: constitutional level of interpretation, branch level of interpretation, law interest, public law, private law, law enforcement.